

84/2Poc -
Pyc)6

Г 71

М. ГОРЬКІЙ

ЕМЕЛЬЯНЪ ПИЛАЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГЪ
1920

КАТАЛОГЪ КНИГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВА И КНИЖНАГО СКЛАДА ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА
РАБОЧИХЪ И КРАСНОАРМЕЙСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Смольный, 2-й этажъ, комната 51, телефонъ—34, контора—комн. 54.

Книжный магазинъ—Пр. 25 Октября, 28.

Вышли изъ печати:	Цѣна. Р. К.	Цѣна. Р. К.	
Алексѣевъ и Варленъ. «Двѣ рѣчи» . . .	— 70	Быстринскій. «Рабоче-крестьянская революція въ Россіи въ отношеніи буржуазной публицистики»	2 —
Ариу. «Мертвецы коммуны»	— 45	Вандервельде. «Соціализмъ и искусство».	— 90
Его-же. «Народная исторія Парижской Коммуны»	7 50	Ватинъ. «Что такое коммуна?»	— 20
Артамоновъ. «Земля родная». Стихотворенія	6 50	Вейтлингъ. «Человѣчество, каково оно есть и какимъ должно быть».	— 85
Афиногеновъ, Н. (Степной). «Записки ополченца». Разошлось.	1 25	Величкина, В. «Борецъ за свободу Вильгельмъ Вейтлингъ»	1 —
Баксъ. «Великая французская революція»	— —	«Вѣнокъ коммунаровъ». Сборн. памяти В. Володарскаго, съ рис.	4 —
Его-же. «Парижская коммуна»	1 75	Войничъ, В. «Оводъ». Романъ. Переводъ	4 50
Барбюсъ. «Въ огнѣ». Дневникъ полу-	— —	З. Венгеровой	— 50
		къ пѣмецкой оккупации	— 50
		Напутственная рѣчь	— 50
		3-е изданіе.	— 50
		«Писемъ о царѣ Симеонѣ»	1 25
		«Крестьянскій вопросъ»	— 55
		Драма.	3 —
		«Рожденіе человѣка»	3 —
		«Эволюція къ революціи»	1 20
		«Исторія исчисленія заработной платы отъ 150 до 1000 р.»	5 —
		«С. рабочемъ днѣ»	— 40
		«Силы, война и политика»	— 40
		«Еврей рабочимъ и рабочницамъ»	— 65
		«Разошлось. Печат.»	— 40
		«Массовая борьба и политика»	— 40
		«Чудра». Съ иллюстр.	1 —
		«Чудра». Съ иллюстр.	1 50
		«Шесть и одна»	5 —
		«Хиппъ и Ленъка»	1 10
		«Пляй»	5 —
		«Застѣлкамп»	3 —
		«Хъ»	4 —
		«Хъ»	1 80
		«Хъ»	2 60
		«Хъ»	6 —

14
М. Горькій

ЕМЕЛЬЯНЪ ПИЛЯЙ

Бр.-1

Центр писателей
Отдел
В.И. Белова

Издание Петроградскаго Совѣта
Рабочихъ и Красн. Депутатовъ
1919.

МУК «Централизованная
библиотечная система»
г. Вологды

84(2 Рос-Руч)6.

Г 71

Емельянъ Пилляй.

— Ничего больше не остается дѣлать, какъ идти на соль! Солона эта проклятущая работа, а все-жъ-таки надо взяться, потому что этакъ-то, неровень часъ, и съ голоду подохнешь.

Проговоривъ это, мой товарищъ Емельянъ Пилляй въ десятый разъ вынулъ изъ кармана кисеть и, убѣдившись, что онъ такъ же пустъ, какъ былъ и вчера, вздохнулъ, сплюнулъ и, повернувшись на спину, посвистывая, сталъ смотрѣть на безоблачное, дышавшее зноемъ небо. Мы съ нимъ лежали на песчаной косѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ Одессы, откуда ушли, не найдя работы, и теперь, голодные, обсуждали вопросъ, куда идти. Емельянъ протянулся на песокъ головой въ степь и ногами къ морю, и волны, набѣгая на берегъ и мягко шумя, мыли его голыя и грязныя ноги. Жмурясь отъ солнца, онъ то потягивался, какъ котъ, то сдвигался ниже къ морю, и тогда волна окачивала его чуть не до плечъ. Это ему нравилось, настроивая его на лѣниво-меланхолическій ладъ.

Я взглянулъ въ сторону гавани, гдѣ возвышался сплошной лѣсъ мачтъ, окутанныхъ клубами тяжелого черносизаго дыма, и откуда плылъ надъ моремъ нестройный глухой шумъ якорныхъ цѣпей, свистъ локомотивовъ, подававшихъ грузъ, и ожи-

вленные голоса рабочихъ, грузившихъ суда. Я не усмотрѣлъ тамъ ничего, что бы возродило нашу угасшую надежду на заработокъ, и, вставая на ноги, сказалъ Емельяну:

— Ну, что-жь, идемъ на соль!

— Такъ... иди!.. А ты сладишь?—вопросительно протянулъ онъ, не глядя на меня.

— Тамъ увидимъ.

— Такъ, значитъ, идемъ?—не шевеля ни однимъ членомъ, повторилъ Емельянъ.

— Ну, конечно!

— Ага! Что-жь, это дѣло... пойдёмъ! А эта проклятая Одесса—пусть ее черти проглотятъ!—останется тутъ, гдѣ она и есть. Портовый городъ! Чтобъ те провалиться сквозь землю!

— Ладно, вставай и пойдёмъ; руганью не поможешь.

— Куда пойдёмъ? Это на соль-то?.. Такъ. Только вотъ видишь ли, братику, на соли этой тоже толку не будетъ, хоть мы и пойдёмъ.

— Да вѣдь ты же говорилъ, что нужно туда идти.

— Это вѣрно, я говорилъ. Что я говорилъ, такъ говорилъ; ужъ я отъ своихъ словъ не откажусь. А только не будетъ толку, это тоже вѣрно.

— Да почему?

— Почему? А ты думаешь, что тамъ насъ ожидаютъ, — дескать, пожалуйте, господа Емельянъ да Максимъ, сдѣлайте милость, ломайте ваши кости, получайте наши гроши!.. Ну нѣтъ, такъ-то не бываетъ! Дѣло стоитъ вотъ какъ: теперь ты и я — полные хозяева нашихъ шкуръ...

— Ну ладно, будетъ! Пойдемъ!

— Погоди! Должны мы пойти къ господину завѣдывающему этою самою солью и сказать ему со всѣмъ нашимъ почтеніемъ: милостивый госпо-

динъ, многоуважаемый грабитель и кровопийца, вотъ мы пришли предложить вашему живоглотію оныя наши шкуры, не благоугодно ли вамъ будетъ содрать ихъ за 60 копеекъ въ суточки! И тогда послѣдуетъ...

— Ну вотъ что, ты вставай и пойдѣмъ. До вечера придемъ къ рыбацкимъ заводамъ, поможемъ выбрать неводъ—накормятъ ужинкомъ, можетъ быть.

— Ужиномъ? Это справедливо. Они накормятъ; рыбацки народъ хорошій. Пойдемъ, пойдѣмъ... Но ужъ толку, братецъ ты мой, мы съ тобой не отыщемъ, потому—незадача намъ съ тобой всю недѣлю, да и все тутъ.

Онъ всталъ, весь мокрый, потянулся и засунулъ руки въ карманы штановъ, сшитыхъ имъ изъ двухъ мучныхъ мѣшковъ, пошарилъ тамъ и юмористически оглядѣлъ пустыя руки, вынулъ ихъ и поднесъ къ лицу.

— Ничего!.. Четвертый день ищу и все — ничего! Дѣла, братецъ ты мой!

Мы пошли берегомъ, изрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ замѣчаніями. Ноги вязли въ мягкомъ пескѣ, перемѣшанномъ съ раковинами, мелодично шурнавшими отъ мягкихъ ударовъ набѣгавшихъ волнъ. Изрѣдка попадались выброшенныя волной студенистыя медузы, рыбки, куски дерева странной формы, намокшіе и черные... Съ моря набѣгала славная свѣжій вѣтерокъ, опахивалъ насъ прохладой и летѣлъ въ степь, вздымая маленькіе вихри песчаной пыли.

Емельянгъ, всегда веселый, видимо унывалъ, и я, замѣчая это, сталъ пытаться развлечь его.

— Ну-ка, Емеля, расскажи что-нибудь, что ли, изъ твоей жизни!

— Рассказалъ бы я тебѣ, братъ, до говорилка слаба стала, потому—брюхо пустуетъ. Брюхо въ

человѣкъ — главное дѣло, и какого хочешь урода найди — а безъ брюха не найдешь, дудки! А какъ брюхо покойно, значить и душа жива; всякое дѣяніе человѣческое отъ брюха происходитъ...

Онъ помолчалъ.

— Эхъ, братъ, коли бы теперь тысячу рублей море мнѣ швырнуло — баць! Сейчасъ открылъ бы кабакъ; тебя въ приказчики, самъ устроилъ бы подъ стойкой постель и прямо изъ боченка въ ротъ себѣ трубку провелъ. Чуть захотѣлось испить отъ источника веселія и радости, сейчасъ я тебѣ команду: Максимъ, отверни кранъ! — и... буль-буль-буль... прямо въ горло! Глотай, Емеля! Хо-орошее дѣло, бѣсъ меня удави! А мужика бы этого, черноземнаго барина — ухъ ты!.. грабь... дери шкуру!.. выворачивай наизнанку. Придетъ опохмеляться — „Емельянъ Павлычъ! дай въ долгъ стаканчикъ!“ — „А?.. Что?.. Въ долгъ?! Не дамъ въ долгъ!“ — „Емельянъ Павлычъ, будь милосердъ!“ — Изволь, буду: вези телѣгу, шкаликъ дамъ. Ха-ха-ха! Я бы его, чорта гугопузаго, пронзилъ!

— Ну, что ужъ ты такъ жестоко! Смотри-ка — вопъ онъ голодаеть, мужикъ-то.

— Какъ-съ? Голодаеть?.. Хорошо-съ! Правильно-съ! А я не голодаю? Я, братецъ ты мой, со дня моего рожденія голодаю, а этого въ законѣ не писано. Нда-съ! Онъ голодаеть... почему? Неурожай? Сомнительно. У него сначала въ башкѣ неурожай, а потомъ уже въ полѣ, вотъ что! Почему въ другихъ прочихъ имперіяхъ неурожая нѣтъ? Потому, что тамъ у людей головы не затѣмъ придѣланы, чтобъ можно было въ затылкѣ скрести: тамъ думаютъ, — вотъ что-съ! Тамъ, братъ ты мой, дождь можно отложить до завтра, коли онъ сегодня не нуженъ, и солнце можно на задній планъ отодвинуть, коли оно слишкомъ усердствуетъ. А у насъ

какія свои мѣры есть? Никакихъ мѣръ, братецъ ты мой... Нѣтъ, это что! Это все шутки. А вотъ кабы дѣйствительно тысячу рублей и кабакъ, это бы дѣло серьезное...

Онъ замолчалъ и, по привычкѣ, полѣзъ за бисетомъ, вынулъ его, выворотилъ наизнанку, посмотрѣлъ и, зло плюнувъ, бросилъ въ море.

Волна подхватила грязный мѣшечекъ, понесла было его отъ берега, но, разсмотрѣвъ этотъ даръ, негодующе выбросила снова на берегъ.

— Не берешь? Врешь, возьмишь!—и, схвативъ мокрый кусекъ, Емельягъ сузудъ въ него камень и, размахнувшись, бросилъ далеко въ море.

И засмѣялся.

— Ну что ты скалешь зубъ-то?.. Люди тоже! Читаетъ книжки, съ собой ихъ носить даже, а понимать человѣка не умѣетъ! Книжмора четырехглазая!

Это относилось ко мнѣ, и потому, что Емельягъ называлъ меня четырехглазой книжморой, я заключилъ, что степень его раздраженія противъ меня очень сильна; онъ только въ моменты острой злобы и ненависти ко всему существующему позволялъ себѣ смѣяться надъ моими очками; вообще же это невольное украшеніе придавало мнѣ въ его глазахъ вѣсу и значенія настолько, что въ первые дни знакомства онъ не могъ обращаться ко мнѣ иначе какъ на „вы“ и тономъ, полнымъ почтенія, несмотря на то, что я въ парѣ съ нимъ грузилъ уголь на какой-то румынской пароходъ и весь, такъ же какъ и онъ, былъ оборванъ, ицаранапъ и черенъ, какъ сатана.

И извинился передъ нимъ и, желая его успокоить до нѣкоторой степени, началъ рассказывать о заграничныхъ имперіяхъ, пытаюсь доказать ему, что его свѣдѣнія объ управленіи облаками и солнцемъ относятся къ области мифовъ.

— Ишь ты!.. Вотъ какъ!.. Ну!.. Такъ, такъ...— вставляя оны изрѣдка; но я чувствовалъ, что интересъ его къ заграничнымъ имперіямъ и ходу жизни въ нихъ, противъ обыкновенія, не великъ и оны почти не слушаетъ меня, упрямо глядя вдаль передъ собою.

— Все это такъ, братъ милый,—перебишь оны меня, неопредѣленно махнувъ рукою. — А вотъ что я тебя спрошу: ежели бы намъ навстрѣчу геперь попался человѣкъ съ деньгами—и большими деньгами,—подчеркнулъ оны, мелькомъ заглянувъ сбоку подъ мои очки,—такъ ты какъ бы, ради приобрѣтенія шкуръ твоей всякаго атрибуту... улокошилъ бы его?

Я вздрогнулъ.

— Нѣтъ, конечно, — отвѣчалъ я. — Никто не имѣеть права покушать своего счастья цѣною жизни другого человѣка.

— Угу! Да... Это въ книжкахъ сказано дѣльно, но только для ради совѣсти, а на самомъ-то дѣлѣ тотъ самый баринъ, что первый такія слова придумалъ, кабы ему, значить, туго пришлось,—навѣрняка бы при удобномъ случаѣ, для сохранности своей, кого-нибудь обездушилъ. Права! Вотъ они, права! — у моего носа красовался внушительный жилистый кулакъ Емельяна. — И всякъ человѣкъ, только разнымъ способомъ, всегда этимъ правомъ и руководствуется. Права тоже!..

Емельянъ нахмурился, спрятавъ глаза глубоко подъ брови, длинныя и выдвѣтшія.

Я молчалъ, зная по опыту, что возражать ему, когда оны золъ, бесполезно.

Оны швырнулъ въ море попавшійся подъ ногу кусокъ дерева и, вздохнувъ, проговорилъ:

— Покурить бы теперь...

Взглянувъ направо въ степь, я увидѣлъ двухъ чабановъ, лежавшихъ на землѣ и смотрѣвшихъ на насъ.

— Здорово, панове! — окликнулъ ихъ Емельянь, — а пѣтъ ли у васъ табаку?

Одинъ изъ чабановъ повернулъ голову къ другому, выплюнулъ изо рта изжеванную имъ былинку и лѣниво проговорилъ:

— Табаку просятъ, э, Михаилъ?

Михаилъ взглянулъ на него, очевидно испрашивая у него разрѣшенія заговорить съ нами, и обернулся къ намъ.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ, — гдѣ-жъ вы идете?

— Къ Очакову на соль.

— Эге! Что же, туда васъ приглашали?

Мы молчали, располагаясь около нихъ на землѣ.

— А ну, Никита, подбери кишеню, чтобъ ее галки не склевали.

Никита хитро улыбнулся въ усъ и подобралъ кишеню. Емельянь скрипѣлъ зубами.

— Такъ вамъ табаку надо?

— Давно не курили, — сказалъ я, смущенный пріемомъ и не рѣшаясь сказать прямо.

— Что-жъ такъ? А вы бы покурили.

— Гей ты, чортовъ хохолъ! Цыцъ! Давай, коли хочешь дать, а не смѣйся! Выродокъ! Аль потерялъ душу-то, шляясь по степи? Двину вотъ по башкѣ, и не пикнешь! — гаркнулъ Емельянь, вращая бѣлками глазъ.

Чабаны дрогнули и вскочили, взявшись за свои длинныя палки и ставъ плотно другъ къ другу.

— Эге, братики! вотъ какъ вы просите!.. а ну, что-жъ, идите!..

Чортовы хохлы хотѣли драться, въ чемъ у меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Емельянь, судя

по его сжатым кулакамъ и горѣвшимъ дикимъ огнемъ глазамъ, тоже былъ непрочь отъ драки. Я не имѣлъ охоты участвовать въ баталіи и попытался примирить стороны:

— Стойте, братцы! Товарищъ погорячился—не бѣда вѣдь! А вы вотъ что—дайте, коли не жаль, табаку, и мы пойдемъ себѣ своей дорогой.

Михаилъ взглянулъ на Никиту, Никита—на Михаила, и оба усмѣхнулись.

— Такъ бы сразу и сказать вамъ!

Затѣмъ Михаилъ полезъ въ карманъ свиты, выволокъ оттуда объемистый кисетъ и протянулъ мнѣ:

— А ну, забери табаку!

Никита сунулъ руку въ кишеню и затѣмъ протянулъ ее мнѣ съ большимъ хлѣбомъ и кускомъ сала, щедро посыпаннымъ солью. Я взялъ. Михаилъ усмѣхнулся и подсыпалъ еще мнѣ табаку. Никита буркнулъ: «спроцайте». Я поблагодарилъ.

Емельянъ угрюмо опустился на землю и довольно громко прощипѣлъ: «чортовы свиньи!»

Хохлы пошли въ глубь степи тяжелымъ, развалистымъ шагомъ, поминутно оглядываясь на насъ. Мы сѣли на землю и, не обращая болѣе на нихъ вниманія, стали ѣсть вкусный полубѣлый хлѣбъ съ саломъ. Емельянъ громко чавкалъ, сопѣлъ и почему-то старательно избѣгалъ моихъ взглядовъ.

Вечерѣло. Вдали надъ моремъ родился мракъ и плылъ надъ нимъ, покрывая легкимъ голубоватымъ флеромъ мелкую зыбь. Въ той же дали, казалось, со дна моря, поднялась гряда желто-лиловыхъ облаковъ, окаймленныхъ розовымъ золотомъ, и, еще болѣе сгущая мракъ, плыла на степь. А въ степи, тамъ далеко-далеко на краю ея, раскинулся громадный пурпуровый вѣеръ изъ лучей

заката и красилъ землю и небо такъ мягко и нѣжно. Волны все бились о берегъ, и море—тутъ розоватое, тамъ темно-синее—было дивно красиво и мощно.

— Теперь покуримъ! Чортъ васъ, хохловъ, растаскай!—и, очевидно, покончивъ съ хохлами, Емельянъ свободно вздохнулъ.—Мы дальше поидемъ, или тутъ заночуемъ?

Мнѣ было лѣнь идти дальше.

— Заночуемъ!—рѣшилъ я.

— Ну, и заночуемъ!—и онъ растянулся на землѣ, разглядывая небо.

Воцарилось молчаніе. Емельянъ курилъ и поплеывалъ; я смотрѣлъ кругомъ и молча наслаждался дивной картиной вечера. По стени звучно слышалъ монотонный плескъ волнъ о берегъ.

— А клюнуть денежнаго человѣка по баликѣ—что ни говори—пріятно; особенно ежели умѣючи дѣло обставить,—неожиданно проговорилъ Емельянъ.

— Будеть тебѣ болтать,—раздраженно замѣтилъ я.

— Болтать?! Чего тутъ болтать? Это дѣло будетъ сдѣлано, вѣрь моей совѣсти! 47 лѣтъ мнѣ, и лѣтъ двадцать я надъ этой операціей голову ломаю. Какая моя жизнь? Собачья жизнь. Нѣтъ ни конуры, ни куска,—хуже собачьей! Человѣкъ я развѣ? Нѣтъ, братъ, не человѣкъ, а хуже червя и звѣря! Кто можетъ меня понимать? Никто не можетъ! А ежели я знаю, что люди могутъ хорошо жить, то почему же мнѣ не жить? Э? Чортъ васъ возьми, дьяволы!

Онъ вдругъ повернулся ко мнѣ лицомъ и быстро проговорилъ:

— Знаешь, однажды я чуть-чуть было не того... да не удалось малость... будь я, апаоема, проклять, дуракъ былъ, жалѣлъ. Хочешь, расскажу?

И торопливо изъявилъ свое согласіе, и Емельянь, закуривъ, началъ:

«Было это, братецъ ты мой, въ Полтавѣ... лѣтъ восемь тому назадъ. Жилъ я въ приказчикахъ у одного купца, дѣломъ онъ торговалъ. Жилъ съ годъ ничего себѣ, гладко; потомъ вдругъ запилъ, пропилъ рублей шестьдесятъ хозяйскихъ. Судили меня за это, законопатели въ арестантскія роты на три мѣсяца и прочее такое—по положенію. Вышелъ я, отсидѣвъ срокъ,—куда теперь? Въ городѣ знаютъ; въ другой перебраться не съ чѣмъ и не въ чемъ. Пошелъ къ одному знакомому темному человѣчку, кабакъ онъ держалъ и воровскія дѣла завершалъ, укрывая разныхъ молодчиковъ и ихъ дѣланники. Малый хорошей души, честнѣющій на диво и съ умной головой. Книжникъ былъ большой, многое множество читалъ и имѣлъ очень большое понятіе о жизни. Такъ я, значить, къ нему: а ну, молъ, Павелъ Петровъ, вызволи! «Ну что-жъ,—говорить,—можно! Человѣкъ человѣку, коли они одной масти, помогать долженъ. Живи, пей, ѣшь, присматривайся». Умная башка, братецъ ты мой, этотъ Павелъ Петровъ! Я къ нему имѣлъ большое уваженіе, и онъ меня тоже очень любилъ. Бывало, днемъ сидитъ онъ за стойкой и читаетъ книгу о французскихъ разбойникахъ... у него все книги были о разбойникахъ; слушаешь, слушаешь... дивные ребята были, дивныя дѣла дѣлали—и непременно проваливались съ трескомъ. Ужъ, кажется, голова и руки—ахъ ты мнѣ! а въ концѣ книги вдругъ... подѣ судъ—цань! и баста!—все прахомъ пошло.

«Сижу я у этого Павла Петрова мѣсяць и другой, слушаю его чтеніе и разные разговоры. И смотрю—ходятъ темные молодчики, носятъ свѣтлыя вещички: часики, браслеты и прочее такое,

и вижу—толку на грошъ нѣтъ во всѣхъ ихъ операціяхъ. Слямзить вещь—Павель Петровъ дастъ за нее половину цѣны,—онъ, братъ, честно платитъ,—сейчасъ гей! давай!.. Ширъ, шикъ, крикъ—и ничего не осталось! Плевое дѣло, братецъ ты мой! То одинъ попадетъ подъ судъ, то другой угодить туда же...

«Изъ-за какихъ такихъ важныхъ причинъ? По подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ, причемъ украдено на сто рублей! Сто рублей! Развѣ человѣческая жизнь сто рублей стоитъ?... Дубье!.. Вотъ я и говорю Павлу Петрову:

— «Все это, Павель Петровъ, глупо и не заслуживаетъ положенія рукъ.—«Гмъ! какъ тебѣ сказать?»—говоритъ. «Съ одной,—говоритъ,—стороны, курочка по зернышку клюетъ, а съ другой—дѣйствительно во всѣхъ дѣлахъ уваженія къ себѣ самому нѣтъ; вотъ въ чемъ суть! Развѣ,—говоритъ,—человѣкъ, понимающій себѣ цѣну, позволить свою руку пачкать кражею двугривеннаго со взломомъ!? Ни въ какомъ разѣ! Теперь,—говоритъ,—хоть бы я, человѣкъ, прикосновенный моимъ умомъ къ образованію Европы, и продамъ себя за сто рублей?» И начинаетъ онъ мнѣ показывать на примѣрахъ, какъ долженъ поступать понимающій себя человѣкъ. Долго мы говорили въ такомъ родѣ. Потомъ я говорю ему: «Давно, молъ, у меня, Павель Петровъ, есть въ мысляхъ попытать счастья на этой дорогѣ, и вотъ, молъ, вы, человѣкъ опытный въ жизни, помогите мнѣ совѣтомъ, какъ, значить, и что»—«Гмъ!—говоритъ,—это можно! А не оборудовать ли тебѣ какое ни то дѣльце на свой рискъ и по своему расчету, безъ помочей? Такъ, напри- мѣръ... Обанмовъ-то,—говоритъ,—съ лѣсного двора черезъ Ворсклу въ единственномъ числѣ на бѣговыхъ возвращается; а какъ тебѣ извѣстно, при

немъ всегда есть деньжонки, да и на лѣсномъ отъ приказчика онъ получаетъ выручку. Выручка недѣльная; въ день торгуютъ они на три сотни и больше. Что же ты можешь на это сказать?»—Я задумался. Обаймовъ—это тотъ самый купецъ, у котораго я служилъ въ приказчикахъ. Дѣло дважды хорошее: и отместка ему за поступокъ со мной, и смачный кусокъ урвать можно.—«Нужно обмозговать»,—говорю.—«Не безъ этого»,—отвѣчаетъ Павелъ Петровъ».

Онъ замолчалъ и медленно сталъ вертѣть папирску. Закатъ почти угасъ, только маленькая розовая лента, съ каждой секундой все болѣе блѣднѣя, чуть окрашивала край пухового облака, точно въ какой-то истомѣ неподвижно застывшаго въ потемнѣвшемъ небѣ. Въ степи было такъ тихо и грустно, и непрерывно лившійся съ моря ласковый плескъ волнъ какъ-то еще больше отбѣялъ своимъ монотоннымъ и мягкимъ звукомъ эту грусть и тишь. Со всѣхъ сторонъ вставали странныя длинныя сѣрыя тѣни и беззвучно плыли къ намъ по гладкой, утомленной дневнымъ зноемъ и крѣпко спавшей степи. А надъ моремъ одна за другой ярко вспыхивали звѣздочки, такія чистенькія, новенькія, точно вчера только сдѣланныя для украшенія этого глубокаго бархатнаго южнаго неба.

«Н-да, братокъ, покумекалъ я надъ этимъ дѣломъ и въ ту же ночь въ кусты около Ворсклы залегъ, имѣя съ собой шкворень желѣзный фунтовъ въ двѣнадцать вѣсомъ. Дѣло-то было въ октябрѣ, помню—въ концѣ. Ночь—самая подходящая: темно, какъ въ душѣ человѣческой... Мѣсто—лучше желать не надо. Сейчасъ тутъ мостъ и на самомъ сѣздѣ съ него доски выбиты,—значить, поѣдетъ шагомъ. Лежу, жду. Злобы, братъ ты мой, въ ту пору у меня хватило бы хоть на десять купцовъ.

И такъ и себѣ это дѣло просто представилъ, что проще и нельзя: стукъ—и баста!..»

Емельянь всталъ на ноги.

«Н-да!.. Такъ вотъ и лежу, знаешь, и все у меня готово. Разъ!—и получи денежки. Такъ-то.—Бацъ! значить, и все тутъ!

«Ты, можетъ, думаешь, что человекъ въ себѣ воленъ? Дудки, братокъ! Расскажи-ка мнѣ, что ты завтра сдѣлаешь? Ерунда! Никакъ ты не можешь сказать, направо или налѣво пойдешь завтра. Н-да!.. Лежалъ я и ждалъ одного, а вышло совсѣмъ не то. Совсѣмъ несообразное дѣло вышло.

«Вижу: отъ города идетъ кто-то... пьяный какъ будто, шатается... въ рукахъ палка. Бормочетъ что-то; нескладно бормочетъ и плачетъ... слышу—вскликивается... Еще ближе подошелъ, смотрю—баба! Тыфу тебѣ, треклятая! Намылю шею, думаю, подойди-ка. А она идетъ къ мосту прямо и вдругъ какъ крикнетъ: «милый, за что?!» Ну, братъ, и кривнула!.. Я такъ и вздрогнулъ. Что за причта? думаю. А она претъ прямо на меня. Лежу, прижался къ землѣ, дрожу весь... куда моя злоба дѣвалась! Вотъ-вотъ налѣзетъ, ногой наступитъ сейчасъ! А она опять какъ завонитъ: «за что?! за что?!»—и бухъ на земь, какъ стояла, почти рядомъ со мной. И заревѣла она тутъ, братецъ ты мой, такъ, что я и сказать тебѣ не могу—сердце рвалось, слушаю. Лежу, однако, ни гугу. А она реветъ. Тоска меня взяла. Бѣгу, думаю себѣ, прочь. А тутъ мѣсяцъ вышелъ изъ тучи, да таково ясно и свѣтло, просто страхъ. Приподнялся я на локоть и глянулъ на нее... И тутъ, братъ, все и пошло прахомъ, всѣ мои планы и полетѣли къ чертямъ! Смотрю—такъ сердце и екнуло: ма-аленькая дѣвчоночка, дите совсѣмъ... бѣленькая, кудряшки на щечкахъ, глазенки большіе такіе; смотрятъ такъ...

и плечики дрожать-дрожать... а изъ глазъ-то слезы крупнуція одна за другой такъ и бѣгутъ, и бѣгутъ.

«Жалость меня, братъ ты мой, забрала. Вотъ я, значить, и давай кашлять: кхе! кхе! кхе!—Какъ она крикнетъ: «Кто это? Кто? Кто тутъ?!»... Испугалась, значить... Ну, я сейчасъ тово... на ноги всталъ и говорю:—Это, молъ, я.—«Кто вы?»—говорить. А глаза-то у самой во какіе сдѣлались, и вся такъ, какъ студень, дрожить.—«Кто вы?»—говорить».

Онъ засмѣялся.

«Кто я-то, молъ? Вы прежде всего не бойтесь меня, барышня,—я вамъ худа не сдѣлаю. Я—такъ себѣ человекъ, изъ босой команды, молъ, я. Да. Совралъ, значить, ей; не говорить же вѣдь, чудака ты, что я, молъ, купца убить залегъ тутъ! А она мнѣ въ отвѣтъ: «Все, говоритъ, мнѣ равно, я топиться пришла сюда». И такъ это она сказала, что меня ажъ ознобъ взялъ—серьезно ужъ очень, братецъ ты мой. Ну, что тутъ дѣлать?»

Емельянъ сокрушенно развелъ руками и смотрѣлъ на меня, широко и добродушно улыбаясь.

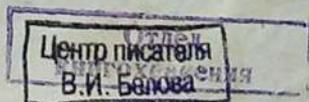
«И вдругъ тутъ, братецъ ты мой, заговорилъ я. О чемъ заговорилъ,—не знаю; но такъ заговорилъ, что ажъ самъ себя заслушался; больше все насчетъ того, что она молодая и такая красавица. А что она красавица, такъ это ужъ такъ, то-есть—раскрасавица. Эхъ ты, братъ ты мой! Ну, ужъ! А звали Лизой. Такъ вотъ я, значить, и говорю; а что?—Кто его знаетъ—что. Сердце говорило. Да! А она все смотритъ, серьезно такъ и пристально, и вдругъ какъ улыбнется!..»—заоралъ Емельянъ на всю стѣну, со слезами въ голосъ и на глазахъ и потрясая въ воздухѣ сжатыми кулаками.

«Какъ улыбнулась, такъ я и растаялъ; хлопъ передъ ней на колѣни; барышня, говорю, барыш-

ня!.. и все тутъ! А она, братецъ ты мой, взяла меня за голову руками, глядитъ мнѣ въ лицо и улыбается, какъ на картинѣ; шевелить губами—сказать хочетъ что-то; а потомъ осплилась и говоритъ: «милый вы мой, вы тоже несчастный, какъ и я! Да? Скажите, хорошій мой?»—И-да, другъ ты мой, вотъ оно что! Да не все еще, а и поцѣловала она меня тутъ въ лобъ, братъ... вотъ какъ! Чуешь?! Ей-Богу! Эхъ ты, голубь! Знаешь, лучше этого у меня въ жизни-то за всѣ 47 лѣтъ ничего не было! А?! То-то! А зачѣмъ я пошелъ? Эхъ ты, жизнь!...»

Онъ замолчалъ, кинувъ голову на руки. Подавленный странностью разказа, я молчалъ и смотрѣлъ на море, чудно колыхавшееся и похожее на чью-то громадную грудь, ровно и глубоко дышавшую въ рѣзкомъ снѣ.

67.- 1
«Ну, а потомъ она встаетъ и говоритъ мнѣ: «проводите меня домой». Пошли мы. Я иду—погъ подь собой не чую, а она мнѣ все рассказываетъ, какъ и что. Понимаешь ты, она одна дочь была у родителей, купцы же они были,—ну, и того, значить, балованная; а потомъ тутъ студентъ пріѣхалъ и сталъ, значить, ее тамъ учить, и влюбилась она другъ въ друга. Онъ потомъ уѣхалъ, а она стала его ждать—какъ, дескать, кончить тамъ свою науку, чтобы пріѣхать вѣнчаться: уговоръ у нихъ такой былъ. А онъ не пріѣхалъ, а послалъ ей письмо: дескать, ты мнѣ, не пара. Дѣвкѣ, конечно, обидно. Вотъ она было и того, значить. Ну, рассказываетъ она это мнѣ и дошли мы такимъ манеромъ съ ней до дома, гдѣ она жила. «Ну, — говоритъ, — голубчикъ, прощайте! Завтра я, — говоритъ, — уѣду отсюда. Вамъ денегъ, можетъ быть, надо? Скажите, не стѣсняйтесь». — Нѣтъ, говорю, барышня, не надо, спасибо вамъ!—

«Ну, добрый вы мой; не стѣсняйтесь, скажите, возьмите!»—пристаетъ она. А я такой оборванный былъ, однако, говорю:—не надо, барышня.—Знаешь, братъ, какъ-то не до того было, не до денегъ. Простились мы съ ней. Она такъ ласково говоритъ: «Никогда-де я не забуду тебя; совеѣмъ, дескать, ты чужой человекъ, а такой мнѣ...»—Ну, это наплевать»,—оборвалъ Емельянъ, снова принимаясь закуривать.

«Ушла она. Съѣлъ я на скамью у воротъ. Грустно мнѣ стало. Ночной сторожъ идетъ. «Ты, говоритъ, чего тутъ торчишь, али слязнить хочешь чего ни то?»—Крѣпко эти самыя слова взяли меня за сердце! Я его въ морду—рразъ! Крикъ, свистъ... въ часть! Ну, что-жъ, въ часть, такъ въ часть; вали хоть во всю цѣлую—мнѣ все равно; я какъ двину его снова! Съѣлъ на лавочку и бѣжать не хотѣлъ. Ночевалъ; поутру отпустили. Иду къ Павлу Петрову. «Гдѣ погуливалъ?»—спрашиваетъ, усмѣхаясь. Поглядѣлъ я на него—человекъ какъ и вчера; но какъ будто что-то новое вижу. Ну, конечно, рассказалъ ему все, какъ и что. Слушалъ онъ серьезно таково и потомъ сказалъ мнѣ: «Вы, говоритъ, Емельянъ Никитичъ,—дуракъ и болванъ; и не угодно ли, говоритъ, вамъ убраться вонъ!»—Ну, что-жъ тутъ?! Али онъ не правъ? Я ушелъ, и все тутъ. Такъ-то вотъ было дѣльце, братокъ!»

Онъ замолчалъ и растянулся на землѣ, закинувъ руки подъ голову и глядя на небо, бархатное и звѣздное. И кругомъ все молчало. Шумъ прибоя сталъ еще мягче, тише, онъ долеталъ до насъ слабымъ, соннымъ вздохомъ.

*Она Рюмина
Сестра Давыдова
Сестра Давыдова*

Горькій, М. «Проходимецъ»	Рабочей и кре-	
Его-же. «Скука рада»	—	— 90
Его-же. «Васька Красный»	Кляпка и Со-	
Его-же. «Кирилка»	—	— 70
Его-же. «О еврейхъ»	опция и между-	
Его-же. «Какъ я учился»	натъ»	4 50
Его-же. «Мое обращеніе»	молодежи и	
Е. о-же. «Вездѣсущее»	—	4 —
Гра, Ф. «Марсельцы»	ать и помнить	
Грейликъ, Г. «Буржуазная р-	оумецъ»	— 70
освободительная борьба	ся красная	
класса»	—	2 75
Гусевъ. «Теорія пролетаріат-	Противъ тече-	
пый социализмъ)	—	10 —
Гюя де-Мопассанъ. «Два прія-	«Карлъ Либ-	
Демазъ. «Фленго». Рассказъ из	оксембургъ» .	
коммуны 1871 г.	на засѣданіи	
Декреты о судѣ.	—	2 —
Декреты о домовыхъ комите-	овал война».	
Дикштейнъ, С. «Кто чѣмъ жл-	ды о войнѣ. .	60 —
послеловіемъ Плеханова	Стихотворе-	
Демьянъ Бѣдный. «Земля обит-	—	1 50
Его-же. «Въ огненномъ котлѣ»	его жизнь и	
Его-же. «Пѣсни прошлаго»	—	5 —
Его-же. «Сытый голодного	пампанелла, Томасъ. «Государство соли-	
мвѣтъ»	ца». Утопія	4 30
Его-же. «Изъ пѣсень прошлаго»	Карпинскій, В. А. «Миръ или война»	— 15
Дитгенъ. «Религія социаль-демокра-	Катая, С. А. «Терроръ буржуазіи въ	
тіи»	Финляндіи»	1 40
Жоресъ. «Миръ и пролетаріатъ»	Каутскій, К. «Наука, жизнь и этика»	— 30
Законо о дѣсахъ Россійской Фед. Сов.	Его-же. «К. Марксъ и его историческое	
Республики	значеніе»	1 25
Зиновьевъ, Г. «Корни оборончества»	Его-же. «Экономическое ученіе К. Мар-	
Его-же. «Наше положеніе и задачи со-	кса». 2-е изд.	3 50
здачія красн. арміи»	Его-же. «Этика»	2 25
Его-же. «Австрія и война»	Его-же. «На другой день послѣ социальн.	
Его-же. «Изъ исторіи пролетарскаго	революціи»	— 75
праздн. 1 мая»	Его-же. «Классовые интересы»	— 40
Его-же. «Г. В. Плехановъ. Вѣсто рѣчи	Его-же. Карлъ Марксъ». Биографич.	
на могилѣ»	очеркъ	— 45
Его-же. «Хлѣбъ, миръ и партія»	Его-же. «Томасъ Моръ и его Утопія»	12 —
Его-же. «Рабочія партіи и профессио-	Его-же. «Ирландія»	1 40
нальные союзы»	Его-же. «Возникновеніе брака и семьи»	2 25
Его-же. «Рѣчь о созданіи красной ар-	Керженцевъ. «Какъ вести собраніе»	— 70
міи». 2-е изд.	Кій. «Что такое социализмъ?»	1 10
Его-же. «Социализмъ и война»	Его-же. «Республика совѣтовъ». 4-е ис-	
Его-же. «Н. Ленинъ, жизнь и дѣятель-	правленное и дополненное изд.	— 40
ность»	Его-же. «Отъ крестьянской общины къ	
Его-же. «Письмо къ крестьянамъ»	социалистической коммуни»	— 35
Его-же. «Слово къ красноармейцамъ»	Его-же. «Сельская коммуна»	— 40
Его-же. «Чехо-словаки, благогардейцы	Клюевъ, Н. «Мѣдный вѣтъ»	2 40
и рабочій классъ»	Князевъ, В. «Красные звоны и пѣсни»	2 50
Его-же. «Что дѣлать въ деревнѣ»	Его-же. «Красное Евангеліе»	1 20
Его-же. «О мягко глвыхъ эс-эровъ»	Его-же. «Пѣсни краснаго звонаря»	4 50
Его-же. «Францъ Мерягъ»	Коллонтай. «Работница-мать»	— 35
Его-же. «Изъ исторіи нашей партіи»	«Коммунистическій Интернаціоналъ к	
Его-же. «Война и кризисъ социализма»	трудящимся всего міра. Да здрав-	
т. II	ствуетъ 1 мая»	1 —

Цѣна.	Р. К.	Цѣна.	Р. К.
Конколь. «Коммуна 71 г.»	2 —	Либинехъ, Карль. «Мой процессъ по документамъ». Съ предисловіемъ Зиновьева и портретомъ К. Либнехта	12 —
Конституція Советской Республики .	— 40	Лилина, З. «Солдаты тыла». «Женскій трудъ до и послѣ войны». Разошлось. Печ. 2-е изд.	2 10
Корольевичъ, Б. Е. «Финансовыя и экономическія законы и мѣропріятія Германіи противъ державъ согласія за время нынѣшней войны»	— 35	Ея-же. «Организуйте женщинъ»	— 50
Красный Сѣверъ №№ 1 и 2. Журналъ иллюстрацій	4 —	Ея-же. «Что дала революція народу». Литературный сборникъ, посвященный памяти Г. В. Плеханова	3 45
Лазаръ, Бернаръ. «Антисемитизмъ и революція»	— 70	Логинозъ. «На стражѣ». Стихотворенія. Сатиры	1 80
Лассаль, Ф. «Принципы труда въ современномъ обществѣ»	— 60	Его-же. «Шакануѣ». Стихотворенія .	3 50
Его-же. «Дневникъ»	6 75	Лидеманъ, Г. «Коммунальная политика социализма»	1 40
Лафаргъ, П. «Происхожденіе религиозныхъ вѣровагій»	— 60	Лукинъ, Н. «Церковь и государство» .	— 50
Его-же. «Благотворительность и право на трудъ»	— 60	Луначарскій, А., и Зиновьевъ, Г. «К. Марксъ и социальн. революція». Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 65
Его-же. «Мнѣ о непорочномъ зачатіи»	— 35	Луначарскій, А. «Комедія». 2-е изд. . .	2 60
Его-же. «Буржуазія и наука»	— —	Его-же. «Карль Марксъ». Ко дню 100-лѣтія со дня рожденія	— 50
Его-же. «Вѣра въ Бога». Разошлось. Печатается 2-е изданіе	— 75	Его-же. «Королевскій брадобрей» (Власть). Пьеса	3 —
Его-же. «Трудъ и капиталъ»	7 50	Его-же. «Первый пророкъ и мученикъ революціи Радисевъ»	1 20
Его-же. «Патриотизмъ буржуазіи» . . .	1 10	Лурье, М. (Ю. Леринъ). «Судъ надъ К. Либнехтомъ»	— 45
Его-же. «Право на дѣлность»	1 10	Его-же. «Крестьяне и рабочіе въ русской революціи»	— 40
Ленинъ. «Докладъ и заключит. рѣчь на 3-мъ Всероссийскомъ съѣздѣ Советовъ»	— 25	Его-же. «Составъ пролетаріата». 2-е изд. Люксембургъ, Роза. «Реформы или революція»	9 —
Его-же. «Борьба за хлѣбъ». Разошлось. Печатается 2-е изд.	— 40	Любимовъ. «Танки, ихъ боевыя свойства и борьба съ ними»	3 —
Его-же. «За 12 лѣтъ». Собраніе статей .	20 —	Майская, Татьяна. «Полустанки»	3 50
Его-же. «Пролетарская револ. и ренегатъ Каутскій»	3 —	Марксъ, К. «Либералы у власти»	2 —
Его-же. «Главные задачи нашихъ дней».	— 65	Его-же. «Наемный трудъ и капиталъ»	1 80
Его-же. «Уроки революціи». 2-е изд. . .	— 40	Его-же. «Заработная плата, цѣна и прибыль»	— 85
Его-же. «Имперіализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма» (популярный очеркъ)	4 50	Его-же. «Къ еврейскому вопросу» . . .	3 75
Его-же. «Усиѣихъ и трудности Советской власти»	2 20	Его-же. «Речь о свободѣ торговли» . . .	1 10
Либинехъ, В. «Два міра»	1 60	Его-же. «Классовая борьба во Франціи 48 г.»	7 50
Его-же. «Никакихъ компромиссовъ, никакихъ избирательныхъ соглашеній»	1 30	Его-же. «Кельскій процессъ коммунистовъ»	7 —
Его-же. «1848 годъ и коммуна». Разошлось. Печ. 2-е изд.	2 —	Его-же. «Критика Готской программы».	1 80
Его-же. «Воспоминанія о К. Марксѣ» .	2 —	Марксъ, К., и Энгельсъ, Ф. «О коммунизмѣ»	1 40
Его-же. «Къ юбилею мартовской революціи»	— —		

Цѣна 6 р. 2=99

107